

УДК 81:39:811.161.3'373

Л.И. ШАПОВАЛОВА

**ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ
УСЛОВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
ДРИБИНСКИХ ШАПОВАЛОВ**

Показываются факторы деградации условно-профессионального языка дрибинских шаповалов.

С сер. XVIII в. язык ремесленников-шерстобитов (шаповалов) бытует на территории Дрибинского района Могилевской области (ранее – Дрибинской волости Чаусского уезда Могилевской губернии) [4; 5]. Сюда он был занесен переселенцами из Смоленской,

Калужской или, вероятнее всего, Нижегородской губернии, владевшими шаповальским ремеслом. Экстра- и собственно языковые данные позволяют считать арго русским, близким к матройской ветви офенского языка, которым пользовались ремесленники именно Нижегородской губернии; за время функционирования в новой языковой среде он и подвергся значительному влиянию белорусского языка [2, с. 102].

Условно-профессиональный (арготический) язык дрибинских шаповалов является одним из социальных диалектов [1; 3], поэтому его происхождение и функционирование предопределяется социально-историческими факторами.

Шаповальский промысел относится к кустарным промыслам, которые характеризуются следующими чертами: они распространяются в деревне и служат побочным занятием для людей, постоянно занятых в сельском хозяйстве и посвящающих своему ремеслу только свободное от сельскохозяйственных работ время; занятие кустарным промыслом не изменяет социального статуса работника: он приписывается к крестьянскому сословию, даже если постоянно занимается промыслом; кустарное производство является семейным, с ограниченным применением наемного труда [4, с. 287]. Экономическая причина развития кустарных промыслов во 2-ой пол. XIX в. в том, что после реформы 1861 г. крестьяне получили малые наделы неплодородной земли и вынуждены были искать дополнительные источники существования. В Могилевской губернии к 1882 г. насчитывалось 25 видов кустарных промыслов, в том числе и валеный (шерстобитный, шаповальский). Он был распространен в 3 деревнях Шкловской волости Могилевского уезда, в 4 деревнях Шамовской волости Мстиславского уезда и в 13 населенных пунктах Дрибинской волости Чаусского уезда. Валеный промысел был сосредоточен в Дрибинской волости неслучайно: земля здесь была неплодородная и ее у крестьян (особенно в м. Дрибин) было мало, т.к. они получили землю не на душу, а на двор; рост населения после реформы привел к тому, что 1/3 населения оказалась безземельной. Источником побочных заработков для многих стал именно валеный промысел, которым владели переселенцы, вывезенные из российских губерний владельцем фольварка Дрибин Оттоном Цехоновецким задолго до реформы. И в начале 80-х годов XIX в. в 17 селениях, в 504 избах кустари производили свой товар. Но в силу местных условий в Дрибинской волости развивался отхожий промысел: на скудных пастбищах овцеводство не обеспечивало производство достаточным количеством шерсти, поэтому в нее приходи-

лось добавлять очесы льна; из такого сырья производили товар низкого качества, который нельзя было продавать на местных рынках. На отходе же мастер изготовлял товар из материала заказчика, получал за работу и уходил. Такому промыслу отдавалось предпочтение и по экономическим причинам: мастеру-отходнику не нужно заготавливать сырье и заботиться о сбыте [6, с. 40-45].

Указанный тип шаповальского промысла Дрибинской волости поддерживал и потребность в условно-профессиональном языке, и активность его функционирования. В этот период реализуется и коммуникативная (изотерическая) функция этого языка при его использовании в процессе производства и в быту, и основная конспиративная (экзотерическая) функция – при работе на отходе в доме заказчика.

Таким образом, наибольшего расцвета шаповальское ремесло, а следовательно и условно-профессиональный язык, достигли во 2-ой пол. XIX в. Но уже в конце XIX в. А. С. Дембовецкий ставит вопрос о будущем шаповальского промысла и связывает его с экономическими причинами, отмечая, «что Могилевская губерния не представляет благоприятных условий для увеличения и улучшения овцеводства, что могилевские шаповалы не имеют капиталов для расширения производства, поэтому трудно надеяться на расширение промысла» [4, с. 329]. С развитием капитализма у ремесленников появляется серьезный конкурент – капиталистическое предприятие, выпускающее ту же продукцию более высокого качества. Это явилось началом деградации шаповальского промысла. Но тем не менее на конец XI в. – нач. XX в. состояние этого промысла было следующим: исключительно в отхожую работали в Старом Дрибине 92 человека из 240 душ мужского пола; ... в Покутье – 30 из 115, в м. Дрибин – 157 из 512, а всего 504 чел. из 1999 душ мужского пола; с учетом 150 подростков, выходявших со взрослыми для обучения и помощи, всего на валеный промысел отходило до 650 чел. [5, с. 52].

Деградация шаповальского промысла активизировалась после первой мировой и гражданской войн. По словам нашего информанта Н.В. Исаева (1914 г. рожд.), война выбила более половины всех шаповалов, а после гражданской войны в Покутье вернулось только 3 шаповала, они возрождали промысел и учили ремеслу своих детей. Информант Я.Е. Петров (1913 г. рожд.) рассказывал, что в двадцатые годы шаповальством занимались только в Дрибине. Старом Дрибине, Ледешне, Покутье, Поташне, Гонтовле, Гололобовке, Лесковке, Бестрини.

Окончательным ударом по шаповальству стал период «сплошной коллективизации» 1930-1933 гг. Об этом свидетельствуют информанты К.В. Исаков (1913 г. рожд.), Я.М. Петров (1913 г. рожд.), Л.И. Халецкий (1922 г. рожд.): многие шаповалы попали в разряд кулаков или подкулачников; основная масса нераскулаченных должна была вступать в колхоз; были обобщены все лошади, и упряжь стала приобретаться колхозами централизованным путём, поэтому отпала необходимость изготовления лямцов (подкладок под хомуты), которые составляли основную долю шаповальской продукции; в период коллективизации резко сократилось поголовье скота как крупного, так и мелкого, что привело к сокращению производства шерсти и, несомненно, сократило отхожий промысел. Все названные причины привели к полному отмиранию отходничества в 30-е годы. С этого времени шаповалы изготавливают свою продукцию (валенки) дома для личных нужд, по заказу или для продажи и тогда везут их на рынки в районные центры Могилёвской, Витебской, Брянской и Смоленской областей.

В этот период происходит перераспределение функций условно-профессионального языка дрибинских шаповалов: почти утрачивается его конспиративная функция, в домашнем производстве и в бытовом общении ведущей становится коммуникативная функция.

В 90-е годы XX в. сложились новые условия, окончательно подорвавшие шаповальский промысел и ускорившие деградацию условно-профессионального языка. По нашим сведениям, к 1994 г. шаповальский промысел полностью утрачен в 11 деревнях (Бес-тринь, Верба, Еськовка, Каребы, Каротыжки, Картыжи, Панеча, Пичевка, Полоски, Халипы, Шаблавы). В Дрибине и Покутье проживало не более 20 шаповалов, а в Ледешне, Гололобовке, Лесковке, Гонтовле, Поташне – по 1-2 шаповала. Однако потребность в их продукции резко сократилась из-за изменившихся погодных условий и насыщенности рынка качественной современной обувью. Поэтому никто из них не занимается регулярным производством товара для реализации на рынке; шаповалы даже в зимний сезон выполняют разовые заказы, изготавливая валенки для родственников и соседей. По нашим данным, за весь период развития индивидуального предпринимательства (с 1991 г.) никто из жителей Дрибинского района не обращался в соответствующие государственные учреждения для получения лицензии на предпринимательскую деятельность в данной производственной сфере. В настоящее время шаповалы не имеют учеников даже из членов своей семьи; не ведется обучение этому ремеслу в профтехучилище г. Дрибина, т.к.

молодые люди не хотят осваивать непрестижное ремесло, которое не может дать устойчивые заработки. Все эти факты свидетельствуют о бесперспективности валеного (шаповальского) промысла и создают предпосылки для полного отмирания арго дрибинских шаповалов как социолингвистической категории.

Указанные выше социальные факторы привели к сужению ареала распространения арго: его основными носителями являлись ремесленники-шаповалы, а они проживают сейчас только в 7 деревнях из 19, где ранее был сосредоточен промысел.

Условный язык шаповалов утратил свое исключительное значение в процессе производства, поэтому сократилось число его носителей даже в шаповальской среде: среди них есть люди, которые занимаются ремеслом в настоящее время, но языком не пользуются, употребляя основные профессиональные слова в процессе производства и лексику некоторых тематических групп в быту; люди, которые раньше занимались шаповальством, теперь по разным причинам оставили ремесло, но используют некоторые слова арго в быту; наконец, есть бывшие шаповалы, которые не пользуются арго даже в быту. Следует отметить, что все эти шаповалы – мужчины в возрасте от 50 до 80 лет, которые являются носителями основного запаса арготических слов и которые считают, что шаповальский язык отмирает вместе с ремеслом.

Указанные выше социальные факторы привели к омертвлению приемов словотворчества и к прогрессирующему уменьшению объема словаря (по данным Е.Р. Романова, в 1900 г. насчитывалось около 700 слов [5], а в настоящее время даже носители арго старшего возраста назвали не более 300).

Из 16 опрошенных женщин только одна Н.А. Левашевич (1926 г. рожд.) хорошо владеет шаповальским языком, остальные знают около 40-50 слов. В быту только две женщины употребляют слова, которые, по их мнению, являются экспрессивными заместителями общеупотребительных слов (напр., *шест* – разбойник, *керус* – пьяница, *скил* – собака, *копошитъ* – копать, *скурлять* – варить, *степра* – печь). Остальные женщины языком не пользуются, и все считают, что язык «грубый, некрасивый» и совершенно ненужный.

Молодёжь в возрасте от 17 до 30 лет является носителем 12-15 % словарного арготического запаса, а дети в возрасте от 8 до 14 лет используют до 5-7 % запаса арготических слов. Им все арготические слова кажутся более экспрессивными, чем соотносительные общенародные, которые обозначают реалии повседневной жизни. Наиболее употребительными в детском лексиконе являются слова, обозначающие части человеческого тела (*мухлавка* – го-

лова, *хирки* – руки, *ходухи* – ноги, *сепки* – глаза, *кермо* – живот); растения и их плоды (*висляко* – яблоко, *вохмурень* – огурец, *шукты* – картошка); глаголы движения (*хлить* – идти, *ерчить* – ехать, *четомить* – летать); глаголы активного действия (*чукать* – бить, *керить* – пить, *троить* – есть, *еперить* – брать); глаголы восприятия (*сипать* – смотреть, *слыхтить* – слышать); оценочные наречия (*шимско* – хорошо, *хусово* – плохо, *сайко* – много). Таким образом, условно-профессиональный язык стал источником пополнения местного молодежного жаргона. Дети являются активными распространителями арготической лексики. Например, в д. Темный Лес не существовало и не существует шаповальского промысла и, следовательно, шаповальского языка, но каждый житель знает 15–20 арготических слов, усвоенных в школьном коллективе.

Следует отметить еще один социальный фактор, определяющий функционирование шаповальского арга. В последние 10–15 лет изменился состав населения Дрибинского района. С одной стороны, сократилось число старожилов, владеющих этим языком, с другой – в этот экологически чистый район Могилевской области переселяются из загрязненных районов люди, не знакомые с шаповальским языком. Они живут как в новых поселках, так и старых деревнях рядом с местным «шаповальским» населением. Это еще больше сузило сферу применения арга, т.к. им перестали пользоваться в общении друг с другом соседи в присутствии новоселов. И наоборот, в некоторых ситуациях местные жители используют арга, чтобы «засекретить» свою речь. Таким образом, в новых условиях коммуникативная функция шаповальского языка ограничивается семейным общением, а его конспиративная функция спорадически реанимируется. Кроме того, в местном молодежном жаргоне арготическая лексика переходит в разряд экспрессивной.

1. Бондалетов В.Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: Автореферат докторской диссертации. – Л., 1966.

2. Лукашанец Е.Г. Территориальные особенности социальных диалектов. // Экология языка и речи: Межвузовский сб. научн. трудов. – Тамбов, 1991.

3. Лукашанец Е.Г. Социальные диалекты в восточнославянских языках. – Мн., 1993.

4. Опыт описания Могилевской губернии. / Под. ред. А.С. Дембовецкого. – М. – н/Д., 1882. – Т. 2.

5. Романов Е.Р. «Катрушницкий лемезень». Условный язык дрибинских шаповалов. // Могилевская старина: Сборник статей Могилевских губернских ведомостей. – Вып 2. – М. – н/Д., 1900–1903 г., с.48–65.

6. Ф.К-въ. Дрибинские шаповалы. // Могилевская старина: Сборник статей Могилевских губернских ведомостей. – Вып 2. – М. – н/Д., 1900-1903 г., С. 40-47.

Some factors of degradation of conditionally professional language are shown.

Шаповалова Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языков Могилевского педагогического университета имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова